

Анна Михалевская

Два сапога и одна картина

– Ну, понеслась! – сказал дедушка.

– За любовь! – сказала бабушка.

– Не для того я тебя растила! – сказала мама.

– Угу, – сказала я.

Чокнулись. Выпили. Заговорили – все одновременно. Голоса слились в один гул, кот Бонифаций прижал уши и прошмыгнул к столику, где стояла клетка с попугаем.

– Любовь дитя, дитя свободы... – запел дедушка оперным голосом.

– То-то и оно, – покусывая сигару, бабушка улыбнулась одним уголком губ. – Светка! Не уходи!

Я покачала головой. Решила и все тут.

– Два сапога пара, – сказала мама и махнула рукой на картину.

Отяжелевшее антрацитовое море и далекий парусник – его почти не видать. Золотистая рама – как дверь. Мама с бабушкой считали, что папа через нее и ушел.

Я обвела родню взглядом.

– Как она может так себя вести?! – громко шептала Маруся на ухо тете Зине.

Маруся, моя двоюродная сестра, очень много думала и постоянно придумывала, чем бы еще быть недовольной.

Тетя Зина, поправив надетое на толстый свитер сари, забралась на стул с ногами и села в лотос. Она дала обет молчания, и уже год никто толком не знал, что у нее на уме. Хотя, говорят, буддистам ум не нужен. И вообще людям от него мало толка. Жаль, она не успела это объяснить Марусе.

– Куда мы катимся?! – бубнил интеллигент на пенсии дядя Аркадий, пряча под столом потрепанную книжечку, на обложке – девица в кружевах. Он обожал женские романы, но почему-то стыдился этого.

Ромка, мой брат, subtilный юноша подросткового возраста, не отрывался от смартфона и проносил вилку мимо рта.

И что я делаю с этими людьми вот уже двадцать лет? Папа был другим – он бы понял меня.

– Боня, я ж тебе!.. – закричала бабушка и, не выпуская сигару изо рта, погналась за котом. У Бонифация в зубах трепыхался несчастный попугай.

Кот удирал мастерски – нырнул под стол и, разогнавшись по ногам, сиганул на тумбочку и сразу – на карниз.

– Вот вам и тореадор, – сказал дедушка.

– Докатились, – сухо констатировал дядя Аркадий.

– Боже, как все несправедливо! Я чувствую себя этим попугаем... – Маруся икнула и прижала руки к груди.

Веки тети Зины дрогнули – и только. А в остальном она олицетворяла принцип невмешательства.

Ромка поднял голову, осоловевшим взглядом уставился куда-то вдаль.

– Телефон разрядился, – он встал и принялся искать розетку.

– Эх вы, – сплюнула бабушка и запустила в кота тапком.

Оскорбленный кот разжал пасть.

– Ай! – возмутился Ромка, потирая ушибленную тапком спину.

Попугай промолчал и вылетел в форточку. Комната стремительно заполнилась тишиной.

– Мама! – укоризненно сказала мама.

– Ну забыла я закрыть форточку, и что? – бабушка сделала вид, что все путем, и вообще, чего уставились.

– А завтра забудешь закрыть дверь?!

Бабушка хмыкнула и затянулась сигарой.

Да, с папой все было бы легче. Хотя иди знай – смогла бы я бесконечно плыть на паруснике, пытаясь догнать уходящее солнце? Но папа же плыл. Я снова посмотрела на картину – показалось, что парус дрогнул и свежий ветер пронесся по комнате.

Решительно поднялась – мол, все, мне пора.

– Теплые вещи взяла? – спросила как бы между прочим мама. На всякий случай я кивнула. Не объяснять же нашим, что там – это не здесь. Хотя насколько не здесь, я еще сама не поняла.

Ромка снова отвлекся на телефон и выронил тарелку. Та раскололась в мелкую мозаику, колбаса с маринованными грибами в красивом беспорядке легли на ковер.

– Ща лайков соберем, – оживился братик, отправляя фотки в Инстаграм.

– Деточка, ты же абстракциониста от импрессиониста не отличишь! Ни одного стихотворения Блока не выучила! «Войну и мир» на десятой странице три года читаешь! – дядя Аркадий нервничал. – Куда ж ты пойдешь?

– Оставьте ее в покое, – рявкнула бабушка, похлопывая тапком по ладони.

– Так я ж, мы ж это... – сказал дедушка, подливая себе домашнего самогона и закусывая почеревком, что ему строго запрещалось из-за диеты.

– Светка, ты слышала меня – уходишь, уходи! – бабушка отвернулась и выпустила в форточку кольцо дыма.

Почему-то уходить расхотелось. И я бросила взгляд на маму. Та отвернулась, плечи сгорбились.

– Иди, раз решила, – услышала я глухой голос. – И нос капай на ночь, а то с твоим гайморитом...

Родня притихла и уставилась на меня. Они ждали. И я, чувствуя себя голой и нищей, тоже ждала. Может, стоит все-таки дочитать «Войну и мир»? Или хотя бы собрать теплые вещи.

Подошел Бонифаций и потерял о ноги. Все, хватит! Я бросилась к двери, потянула на себя ручку. Зажмурилась и сделала шаг.

Дверь громко хлопнула за спиной.

Я стояла на крыльце, последняя его ступенька тонула в молочном мареве. Такое же марево окутывало все вокруг. Оглянувшись, я увидела знакомую увитую виноградом стену дома, балкон на втором этаже, белье. Рукава Ромкиной футболки колыхались на ветру, будто прощаясь.

А в тумане начали проступать силуэты. Первым делом показался парусник и лишь потом – одинокая фигура.

– Папа! – позвала я.

Он помахал мне, и я побежала за парусником. Хотела сказать – пусть знает! – я мечтала жить, как он. Чтобы впереди – дорога и смысл. А не этот скучный дом.

Продираясь сквозь вату тумана, я не сразу заметила, как на плечо сел попугай. Подражая дедушке, он стрекотал:

– Любовь дитя, дитя свободы...

Парусник мелькал то ближе, то дальше, но нагнать я его не могла. Попугай перебрал весь дедушкин репертуар и до смерти надоел...

Я шла, и время шло за мной. Хотелось есть, пить, просто где-нибудь сесть, но я упрямо держалась парусника. Даже когда поняла, что никакого разговора не будет, и смысла тоже не будет, а свобода мне уже не нужна. Даже когда туман ожил.

И я снова увидела заставленный тарелками стол, понуро опустившего голову дедушку. Бабушка ходила из угла и в угол и не выпускала изо рта сигару. Мама разглядывала картину и шмыгала носом.

Маруська подскочила со стула:

– Я должна была пойти вместо нее!

– Мы все должны были... – дядя Аркадий захлопнул книгу и выложил ее на стол. Кружевками наружу.

Бонифаций сидел на коленях у тети Зины и поддевал лапой бахрому на сари.

Ромка сопел, уставившись в телефон. Я заглянула через плечо: «Как найти сестру», – печатал он запрос в Гугле.

Папа – наконец я увидела его лицо! – улыбнулся и шагнул за край рамы.

Там ничего нет, дошло до меня. И он никуда не уходил. И я не уходила. Просто посидела на пороге, а теперь вернулась. К семье, к родным, к таким же, как я.

С попугаем на плече я подошла к столу, стала у родни за спиной.

– Мама! – сказала мама и дернула бабулю за локоть.

– Йошкин кот! – бабушка расплылась в улыбке и выронила сигару.

– Ом-мани-падме хум!

Тетю Зину никто не понял, но все были согласны.